

Поливянный Д. И.

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И КНИЖНОЕ НАСЛЕДИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ БОЛГАРИИ

М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.
512 с. (Medievalia) ISBN 978-5-98712-846-6

УДК 82-95 (904)

DOI: 10.31802/2658-4476-2020-2-6-224-236

Книга «Культурная идентичность, историческое сознание и книжное наследие средневековой Болгарии» доктора исторических наук, профессора Ивановского государственного университета Д. И. Поливянного, с одной стороны, является итогом многолетних трудов одного из ведущих отечественных болгаристов, с другой — новым словом. В основу настоящей монографии положена его книга, вышедшая в свет на рубеже тысячелетий¹, однако она обогащена целым рядом новых идей и наблюдений (первый раздел книги). Второй раздел основан на статьях, вышедших за последние годы и посвящённых духовной культуре средневековой Болгарии. Третий раздел представляет переводы памятников средневековой болгарской литературы.

Для содержания этой книги характерна трезвость, взвешенность, глубина. Автор рассматривает духовную историю Болгарии, с одной стороны, в контексте концепции Византийского содружества, выработанной Дмитрием Оболенским², с другой стороны — концепции *Slavia Orthodoxa* Рикардо Пиккио³. Отметим справедливое замечание Д. И. Поливянного: «В то же время идентичность нового сегмента христианской культуры, созданной последователями св. Кирилла и Мефодия в Болгарии, формировалась в конце IX в. прежде всего через утверждение достоинства славянского языка не как *lingua ethnica*, но как нового литургического

1 Поливянный Д. И. Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте Византиско-Славянской общности IX–XV веков. Иваново, 2000.

2 Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 2012.

3 Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa*. Литература и язык. М., 2004.

и общецерковного языка, принадлежащего всему “Божьему стаду”, которое славит Господа на своём языке» (с. 52).

Однако его концептуальный багаж явно не ограничивается этим. Весомым вкладом явилась концепция византийско-болгарской биполярности, которая связана как с византийско-болгарским противостоянием, так и с их симбиозом. Высказывание автора относительно того, что имп. Василий Болгаробойца завершил дело царя Симеона, выглядит парадоксальным, но тем не менее весьма пронизательным. Действительно, Симеон стремился создать болгаро-византийское царство, быть царём ромеев и болгар, но не того ли достиг Василий II? Описывая период византийского господства, автор трезво отвергает концепцию ромеизации болгар, популярную среди болгарских учёных в первой половине XX в. (Д. Ангелов и др.)⁴. Действительно, у нас нет серьёзных доказательств того, что в Болгарии в XI–XII вв. проводилась ромеизация. Помимо доказательств, связанных с греко-славянскими палимпсестами, убедительно приведённых в книге, следует упомянуть тот факт, что почти все дошедшие до нас самые ранние славянские рукописи датируются периодом византийского владычества⁵.

Судя по ряду источников, прежде всего по письмам Феофилакта Болгарского, линия антагонизма находилась не в этнической, а в социально-экономической сфере: сборщики налогов одинаково грабили греков и славян, а в восстаниях Петра Деляна и Георгия Войтеха участвовали и греки, и болгары.

Характеризуя поздний период, автор пытается объяснить протокатолический выбор Иоанна Калояна следующим образом: «Вместо вырезки разбитого крестоносцами византийского зеркала, Болгария пыталась найти своё отражение в зыбком мираже отдалённого Рима, но его смутные очертания в болгарском культурном сознании не представляли тех возможностей, которые давал симбиоз-противостояние с Константинополем» (с. 144). Это справедливое и глубокое суждение всё же требует некоторых корректив. Во-первых, византийское зеркало разбивали не только крестоносцы, но и свои сепаратисты, к которым можно с известными оговорками причислить и болгар. Тот же Иоанн Калоян беспощадно громил византийцев и заживо закапывал в землю византийских пленных. К тому же процесс унии Болгарии с Римом был запущен Калояном до того, как крестоносцы разбили византийское

4 См. в частности: История на България. София, 1982. Т. 3.

5 Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А. Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. М., 2000. С. 42.

зеркало. Вероятно, для него отдалённость Рима как раз и являлась преимуществом, позволявшим больше просить, меньше давать.

При этом Калоян был отнюдь не первым римофилом в средневековой Болгарии. Ещё креститель Болгарии, князь Борис I, колебался между Римом и Константинополем⁶. Его сын, царь Симеон, при всём своём византийстве и православности, симпатизировал Риму, что выразилось в его архитектурных вкусах и, в частности, в форме Золотой Церкви в Преславе, которая напоминает равеннские мартирии и капеллу Карла Великого в Ахене⁷. И если они в конечном счёте выбирали Константинополь, то потому, что он, по справедливому замечанию Д. И. Польшванного, предлагал больше возможностей и выгод, чем Рим, который, однако, отнюдь не являлся расплывчатым и неопределённым, а во всей чёткости и жёсткости своих властолюбивых требований и претензий.

Ценной и интересной находкой автора является разработка темы «Тырново — новый Константинополь» во времена Латинской империи, а также наблюдение над осью «Тырново — Афон» и через неё — выходом на многополярность православного мира (с. 155–189). Идея византийского содружества, таким образом, получает новое измерение.

Вторая часть книги является антологией современных исследований Д. И. Польшванного. Первая глава посвящена судьбам славянства и обретению болгарами своей идентичности (с. 241–255). Автор справедливо отмечает сдвиг в научной парадигме с исследования племенных миграций на изучение распространения обычаев и норм позднего Рима и Византии в варварской среде. Известной теоретической новацией, хотя и опирающейся на определённую традицию⁸, является понятие «ограниченной ойкумены». Хотя, с одной стороны, оно может показаться оксюмороном, поскольку понятие «ойкумена», вселенная, апеллирует к бесконечности, оно является глубоко верным, если мы будем опираться на другое значение термина — «обжитое пространство». Действительно, если мы рассмотрим имперское сознание VII–XI вв., то увидим осознание византийскими политиками и философами понимание ограниченности Империи и её возможностей и необходимости взаимодействовать с иными государствами и народами. Ценным

6 Из новейших трудов на эту тему см. нашу статью: *Василик В. В.* О настоящих патриархах и не очень // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. №1. С. 54–67.

7 *Георгиев П.* Базилика «Гебе Клисе» и въпросът за връзките между България и Рим в края на 9 век // Преславска книжовна школа. София, 2002. Т. 6. С. 49.

8 *Lounghis.* La théorie de la œcumène limite et la révision de Constitutum Constantini // Общото и специфичното в балканските култури до краинна век. Сборник в чест на проф. Василка Тълкова-Заимова. София, 1999. С. 119–122.

является вписывание протоболгар в эсхатологический контекст VI–VII вв., а равно исследование этнических оппозиций «болгары — греки», «болгары — христиане».

Вторая глава «Кирилло-мефодиевское славянство и судьбы Болгарии» (с. 255–269) значима с методологической точки зрения идеей применения к кирилло-мефодиевскому славянству методов сетевого анализа, использованных для изучения византийских сообществ. Автор прослеживает эволюцию термина «словене» от обозначения язычников к наименованию христианской славянской общности. Заслуживает внимания просопографический метод, применённый к деятелям Кирилло-Мефодиевской миссии.

Глава третья «Историзм и историописание в средневековой Болгарии» (с. 269–286) посвящена средневековой болгарской историографии и её проблемам. Автор трезво критикует за неадекватность традиционную секулярную схему национальной истории — просвещенческое преодоление провиденциализма, а затем и романтизма. Нельзя не согласиться с метким замечанием автора: такие названия, как «Древнейшие государства на территории СССР» остаются прекрасными напоминаниями тем, кто мнит вечной сегодняшнюю государственность, созданную на обломках империй и федераций XIX–XX вв. или переписывает средневековую историю под вновь открывшиеся обстоятельства» (с. 270). Подобный подход к средневековому историописанию ведёт к «комплексу неполноценности» и явной неадекватности в её оценке.

Автор справедливо вооружается против потребительского подхода, при котором историки ищут только «реальных фактов» в сообщениях средневековых историописателей и совершенно не интересуются тем, что понимали под историей люди средневековья, какое содержание они находили в письменных текстах. Серьёзным открытием автора является его гипотеза относительно того, что в эпоху первых четырёх Асений, благодаря связям Тырнова и Святой Горы, формируется исторический метатекст (метанарратив). Под метатекстом автор понимает совокупность языковых и художественных образцов, универсально применяемых для описания событий прошлого и настоящего. На наш взгляд термин «совокупность» не очень удачен, скорее, следует говорить о системе образцов, однако за этим единственным исключением формулировку автора следует признать справедливой.

Четвёртая глава посвящена мощам (с. 286–299) и их значению в духовной жизни средневековой Болгарии. Весьма ценными являются

наблюдения над географией положения мощей, динамикой их перенесения, их роли в определении границ Болгарского царства. Следует отметить, что автор во многом использует опыт, накопленный византистикой в исследовании христианских реликвий⁹.

В пятой главе рассматривается отражение османского завоевания Балкан в древнерусских и южнославянских произведениях (с. 299–319). Автор показывает столкновение двух моделей в историографии: традиционной — «конфликта цивилизаций», связанного с идеей крестового похода со стороны балканских политий и Запада и идеей джихада со стороны османов, и новаторской модели — «инклюзионной», связанной с представлением о включении турками балканских государств и народов в свою империю путём присоединений-союзов. Автор указывает на такие факты, как решающая роль тяжёлой сербской кавалерии под предводительством Стефана Лазаревича под Никополем и под Анкарой, а также участие балканских государей в походах против своих единоверцев. Стоит, однако, отметить, что, во-первых, и участие Стефана Лазаревича, и эти походы трудно назвать добровольными, во-вторых, со времени Мехмета II Османская империя проводила решительную политику ликвидации балканских автономных политий.

Весьма ценным и интересным является исследование апокалиптических представлений в эпоху османского завоевания. Автор отмечает две тенденции — миллениаристскую, согласно которой османы должны быть разгромлены и воцарится тысячелетнее царство святых, и скептическую, согласно которой османское владычество предваряет конец света (с. 304–307).

В третьем разделе представлены переводы средневековых болгарских текстов на русский язык, причём отчасти повторяются соответствующие разделы книги «Родник златоструйный», созданной Д. И. Польшанским и И. Калигановым в 1990 г. Однако, во-первых, все тексты сверены с новейшими научными изданиями, а во-вторых, антология обогащена новыми: записями в рукописях X–XI вв., «Повестью полезной о латинах», рассказом о мученичестве двадцати шести зографских братьев и т. д. Польза от подобной хрестоматии несомненна.

Как и всякое фундаментальное и глубокое исследование, книга Д. И. Польшанского не может не вызвать дискуссий. Одним из дискуссионных тезисов является следующий: «Если имперский Восток сжимался под натиском арабов, а затем сельджуков, то на балканском Западе,

9 Реликвии в Византии и Древней Руси. Письменные источники / ред.-сост. А. М. Лидов. СПб., 2003.

устоявшем против аварских нашествий, но опустошённом пандемией чумы, империя должна была допустить поселение пришельцев и наладить с ними отношения» (с. 28).

Во-первых, если речь идёт о ситуации VI — начала VII в., то для порядка надлежало бы упомянуть персов. Во-вторых, нападения сельджуков относятся к гораздо более позднему времени — XI в. В третьих, наиболее тяжёлый удар чумы приходится на 544 г. — за 15 лет до появления аваров на Балканском полуострове. Далее, нельзя сказать, что балканский Запад твёрдо стоял против аварских нашествий, если аварами и славянами были взяты такие мощные крепости и значительные города, как Коринф, Салона, Юстиниана Прима и т. д. Кроме того, чума разила не только жителей империи, но и её врагов.

Следующий дискуссионный тезис автора: в VII–VIII вв. византийские власти сами способствовали переселению славян на подвластные им балканские территории, образуя Славинии во главе с подвластными им князьями (с. 29). Ситуация была сложнее, мы знаем только один случай приглашения славян на территорию империи: в конце двадцатых — начале тридцатых годов VII в. имп. Ираклий приглашает сербов и хорватов на номинально имперские земли, на самом деле занятые аварами. В целом, однако, политика как Ираклидов, так и Исавров была далека от покровительства славиниям и насаждению их на Балканах. Так, в 658 г. император Константин II, воспользовавшись миром с арабами, напал на славинии и многие из них поработил. В 688 г. во время своего триумфального похода к Фессалоникам, император Юстиниан II захватил в плен около тридцати тысяч славянских семей, обитавших в славиниях, и всех их переселил в Малую Азию, в Вифинию, где сформировал отборное тридцатитысячное войско. В дальнейшем, византийские императоры предпочитали заселять Балканы пленными из Сирии и востока Малой Азии (имп. Константин Копроним в 744–751 гг., отсюда возникает богомилская проблема, поскольку многие из переселенцев были павликианами). Иными словами, византийская политика была чисто имперской: *divide et impera*.

Далее следует дискуссионное утверждение: «К этому времени славянское население, организованное в племенные княжения, накопило опыт общения и с древними культурными традициями Балкан, и с изменяющимися политическими реалиями Запада» (с. 29). Возникает вопрос: каким образом им это удалось? Ознакомиться одновременно и с традициями Балкан, и с реалиями Запада мог лишь двор протоболгарского хана, но не подвластные ему славяне, которые сидели в своих

славиниях и защищали протоболгарский каганат — одни от Ромейской империи, другие против Запада и до поры до времени ко двору допущены не были.

Вызывает вопросы также следующее утверждение автора: «Официальная культура раннего Болгарского государства, опиравшаяся на традиции предков Аспаруха, накопила немало славянских элементов»¹⁰. В качестве примеров предлагается ономастика, в частности название укрепленного лагеря Онгл. Однако по поводу Онгла до сих пор идут дискуссии: происходит ли от славянского слова «угол»¹¹ или от тюркского «аул»¹². Славянские имена в протоболгарских надписях встречаются не ранее времени Омуртага (814–831), до этого, по мнению исследователей, славянских вождей не включали в господствующую элиту протоболгарского каганата¹³. Судя по тому, что мы знаем о культе, он являлся исключительно тюркским¹⁴. Более того, мы можем наблюдать попытки культурной ассимиляции со стороны протоболгар по отношению к славянам: например, предложение Крума славянским вождям пить вино из черепа имп. Никифора, гонения Омуртага и Маламира на христиан, в том числе христиан-славян. Если же мы будем углубляться в славянскую терминологию власти, то увидим, что большая часть терминов — иностранного происхождения: князь — германизм (*konung*), кмет — латинизм (от *comes*), жупан — тюркизм, не говоря уже о таких словах, как «царь» и «король».

Далее дискуссионно: насколько протоболгарский каганат можно считать полноценным государством, к чему склоняется Д. И. Полывянный? Сам автор пишет о конгломерате полунезависимых славиний в составе каганата. Непременный атрибут государства — системное, письменное законодательство, которого у протоболгар ещё не было: несколько законов Крума в поздней передаче Свиды ещё не являются законником. Показательно настойчивое требование хана Бориса и к патриарху Фотию, и к папе Николаю дать законы. Законодательство в виде «Закона судного людям» появляется в Болгарии только после крещения¹⁵.

10 *Полывянный Д. И.* Идентичность. С. 29.

11 Жголь. Юс большой первоначально читался как /о/ носовое.

12 Свод древнейших источников по истории славян. М., 1995. Т. 2. С. 278.

13 Там же. С. 300.

14 Корж И. А., Темелски Хр. Болгария // ПЭ. М., 2004. Т. 5. С. 584.

15 Максимович К. А. Законъ соудный людьмъ. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004.

Д. И. Полывянный считает, что процесс слияния славян и прото-болгар в единую народность в целом завершился до крещения, ещё при Омуртаге. На с. 30 своей книги он пишет: «Отличие славян под властью императора, остававшихся вне границ протоболгарского государства, от подданных “кана сюбиги” свидетельствует о далеко зашедшем процессе развития древнеболгарской народности». На наш взгляд, напротив, приведённые им цитаты, например: «...остальные славяне, которые не подчинены императору»¹⁶ — как раз свидетельствуют о том, что славяне и в том и в другом случае являются этносом, отличным от протоболгар, и здесь важным является момент подданства. Именно подданство отличает одних от других, а славяне под властью «кана сюбиги» ещё не слились с его подданными протоболгарами

Другое дискуссионное суждение автора: «На закате первого тысячелетия у Болгарии был один реальный объект сравнения — Византия» (с. 31). Во-первых, Византия являлась объектом не для сравнения, а для подражания. Византия на тот момент была цивилизованной сверхдержавой, а Болгария — варварским протогосударством. Во-вторых, у Болгарии были и иные объекты для сравнения в том сложном, бурном и противоречивом мире: это прежде всего империя Карла Великого, а затем Восточно-Франкское королевство. И не случайно князь Борис в выборе церковного устройства колебался между Константинополем и Римом и, соответственно, между Восточно-Римской империей и Восточно-Франкским королевством. Затем, это Великая Моравия, откуда болгары получили азбуку, священные книги и закон на своём языке (пусть и против воли моравского князя), наконец, Хорватия, мощная военная держава¹⁷, от которой болгарам случалось терпеть тяжёлые поражения¹⁸

На с. 32 автор замечает: к середине IX в. укрепилось положение Византии, одержавшей верх над халифатом в борьбе, длившейся более полутора веков. Арабский халифат был основан в 632 г., после смерти Мухаммеда. Борьба Византии с ним начинается в 634 г. Более чем полтора века приводят нас к середине восьмидесятых годов IX в.,

16 Договор 815 г. *Бешевлиев К.* Първоболгарски надписи. София, 1979. С. 154.

17 «Знай, что крещёная Хорватия может выставить до 100000 воинов и 100 длинных кораблей» (*Constantinus VII Porphyrogenitus. De administrando imperio* 31; рус. пер.: *Константин Багрянородный. Об управлении империей.* М., 1991. С. 120).

18 Так, в 927 г. войско царя Симеона, посланное для завоевания Хорватии, было уничтожено целиком. Узнав об этом, царь Симеон умер (*Theophanes Continuatus. Chronographia* VI, 20–21; рус. пер.: *Жизнеописания византийских царей / пер., вступ. и комм. Я. М. Любарского.* СПб., 1992. С. 205).

то есть к концу, а не к середине IX в. Вероятно, автор имел в виду борьбу с Востоком в целом, вначале с Сасанидским Ираном (603–630), затем — с халифатом. К тому же в шестидесятые годы IX в. вряд ли можно говорить о переломе. Ещё в конце IX — начале X в. империя теряет Сицилию и терпит ряд чувствительных поражений, например взятие Фессалоник, второго города Романии в 904 г.

Достаточно дискуссионным является высказывание автора: «Из эпохи иконоборческого кризиса Византия вышла не рудиментом императорского Рима, а вселенским царством Христа» (с. 32). Вселенским царством Христа Византия чувствовала себя уже во времена Юстиниана, что выражается, в частности, в памятниках гимнографии, например, в «Кондаке на освящение святой Софии»¹⁹. Подобное сознание присутствует в «Увещательных главах диакона Агапита», новеллах Юстиниана и других источниках²⁰.

Автор указывает на рост имперского сознания среди болгар и на «оппозицию “болгары — греки”, постоянно присутствующую в болгарских надписях VIII–IX вв.» (с. 33). На наш взгляд, протоболгары здесь не самостоятельны, и эта оппозиция идёт с Запада, конкретно — от Карла Великого и его потомков, которые не признавали имперского универсализма Восточно-Римской империи (Византии), и в этом плане протоболгарские ханы-князья усвоили их терминологию и риторику в антиимперских целях.

Говоря о конфессиональном противостоянии первой половины IX в., автор пишет об истреблении византийцами славян, отказавшихся принять христианство, участвовавших в восстании Фомы Славянина (с. 35). В источниках, однако, говорится о сравнительно мягких наказаниях для пленных бунтовщиков. Так, продолжатель Феофана сообщает следующее: «Победоносный царь вернулся из материковых городов и ничего другого не придумал для бунтовщиков, как провести их в процессии со связанными за спиной руками во время устроенных по такому случаю ристаний, а самых из них виноватых отправил в ссылку»²¹.

На с. 46 автор высказывает мнение, что к текстам, принесённым учениками св. Мефодия в Болгарию, возможно принадлежало краткое

19 См. в частности главу из работы автора данной рецензии: *Василик В. В.* Кондак на освящение святой Софии // *Церковь и Империя в византийских церковно-поэтических памятниках*. СПб., 2016. С. 360–380.

20 См.: *Вальденберг В. М.* История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2006. С. 75–90.

21 *Theophanes Continuatus. Chronographia* II, 20. Рус. пер.: Жизнеописания византийских царей. С. 54.

Евангелие — апракос. Следует отметить, что, по мнению ряда исследователей, например А. М. Пентковского²², древнейшим славянским Евангелием всё же является тетр — полное Четвероевангелие.

Следующий дискуссионный момент — мнение автора относительно того, что первоначальный объём славянской книжности в Болгарии определяется не политической конъюнктурой, или актуальными запросами общества, а литургическими и гомилетическими потребностями (с. 49). В принципе, данное высказывание справедливо, однако не следует забывать, что и служащий священник, и проповедник, и церковный писатель существуют не в вакууме, они ориентируются в той или иной мере на свою паству, на церковную общину, а поскольку она в средневековье в значительной степени совпадала с обществом как таковым, постольку, следовательно, и проповедник, и священник откликались на запросы болгарского общества, которое было на тот момент далёким от сложных богословских проблем (в отличие от византийского) и нуждалось в достаточно простых, но действенных вещах (говоря языком св. ап. Павла, в молоке, а не в твёрдой пище). Кстати, этот пример приводится и в «Житии св. Климента Охридского», написанное Феофилактом Болгарским.

Весьма сомнительным, хотя и связанным с определённой научной традицией на Западе, представленной в том числе именами Р. Пиккио и Ф. Томсона, является тезис автора о том, что версия о трёхязычной ереси, якобы поддерживавшейся на Западе частью духовенства и осуждённой римскими папами, сложилась в славянской среде в конце IX в. и не отвечала тогдашней римской догматике и канонической ситуации²³. Слова о том, что она значительно преувеличивала препоны, воздвигавшиеся перед славянским языком на Западе, к сожалению, трудно совместимы с данными исторических источников: письма папы Стефана св. Мефодия с угрозами канонических прещений, изгнание учеников св. Мефодия и даже их продажа в рабство с санкции римской курии²⁴, письма папы Иоанна X князю Томиславу с требованием запретить славянский язык в богослужении как неоправданное новшество еретика Мефодия, постановления Сплитских Соборов 925–928 гг. с принципиальным запретом славянского богослужения и его допущения

22 Пентковский А. М. Лекционарии и Четвероевангелия в византийской и славянской литургических традициях // Евангелие от Иоанна в славянской традиции. СПб., 1998. С. 3–54.

23 Польшанский Д. С. Культурная идентичность. С. 54.

24 Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А. Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. С. 55.

только в случае полного отсутствия латиноязычных священников²⁵, наконец, полный запрет славянского богослужения в Чехии в XI в., опиравшийся на известную традицию. Что касается догматического оправдания «трёхъязычной ереси», то оно было создано ещё в VII в. Исидором Севильским.

Монополия латыни в богослужении касалась не только славянского языка, но и германских языков: древневерхненемецкого, англо-саксонского, древненижненемецкого и т. д. На них могли создаваться великолепные поэтические переложения Библии («Гелианд», саксонское «Бытие», «Евангелическая гармония» Отфрида)²⁶, но в области литургической практики максимум, на что могли рассчитывать германские народы — перевод «Отче наш», «Символа веры», «Ave Maria». Сходная ситуация складывалась и в Ирландии. Из этого можно сделать вывод, что монополия латинского языка, как богослужебного, для западного клира была принципиальной.

Вызывает несогласие характеристика исихазма, как сочетание внутренней молитвы и практики изошрённой медитации (с. 190). Понятие «медитация» относится к римо-католической молитвенной практике, построенной на принципиально иных духовных основах, в частности — на возбуждении фантазии, что абсолютно неприемлемо для православной традиции.

На с. 309 автор отрицает реальность представлений о джихаде и православной священной войне и в то же время представляет убедительный материал в их защиту. Цитата: «и с тех пор начали измаильтяне завладевать царствами христиан» — говорит о конфессиональном противостоянии: «измаильтяне» являлись в византийской традиции традиционным обозначением мусульман, в том числе и в литургических текстах, начиная с VIII в. Позднее оно перешло к славянам. Автор справедливо критикует сообщение русской летописи о сожжении святых мощей при взятии Тырнова, не соответствующее действительности, однако оно базировалось на неких источниках, а те, в свою очередь, на слухах, связанных с антитурецкой и антиисламской пропагандой. Сохранение полного титула Ивана Шишмана (**ИВАН ШИШМАНЪ БЪ ХРИСТІ БОІИ БЛАГОВЕРЕН ЦАРЬ И САМОДРЪЖЕЦЪ**), несмотря на его вассалитет по отношению к туркам, как раз может свидетельствовать

25 Акимова О. А. Христианство в далматинских, хорватских и сербских землях в X–XI вв. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. С. 267–339.

26 Арсеньева М. Г., Балашова С. П. Введение в германскую филологию. М., 2000. С. 15–20.

о его готовности не принимать реальную ситуацию и бороться с турками до последнего для восстановления прежнего порядка вещей.

Тем не менее эти мелкие частные замечания не умаляют огромного значения труда уважаемого автора. Книга, написанная живым и лёгким языком, со множеством красочных примеров, не только представляет явную пользу для широкой публики, к сожалению мало знакомой с богатейшим духовным наследием средневековой Болгарии, она также является ценнейшим пособием для специалистов: болгаристов, византиноведов и медиевистов в целом, а также для религиоведов и историков христианства как в силу целого ряда новых фактов, так и мощной концептуальной базы и богатства методологии — целого ряда новых методов и подходов, которыми Д. И. Полывянный обогатил историческую науку. Эта книга без преувеличения представляет собой новое слово в отечественной болгаристике и славистике. Дай Бог, чтобы уважаемый автор радовал нас подобными книгами и впредь.

Библиография

- Арсеньева М. Г., Балашова С. П. Введение в германскую филологию. М.: ГИС, 2000.
- Вальденберг В. М. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб.: Наука, 2006.
- Василик В. В. Кондак на освящение святой Софии // Церковь и Империя в византийских церковно-поэтических памятниках. СПб.: Алетей, 2016. С. 360–380.
- Георгиев П. Базиликата «Гебе Клисе» и въпросът за връзките между България и Рим в края на 9 век // Преславска книжовна школа. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2002. Т. 6. С. 49.
- Жизнеописания византийских царей / пер., вступ. и комм. Я. М. Любарского. СПб: Наука, 1992.
- История на България. София: Издателство на науките, 1982. Т. 3.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1991.
- Корж И. А., Темелски Хр. Болгария // ПЭ. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2004. Т. 5. С. 570–614.
- Максимович К. А. Законъ соудьныи людъмъ. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М.: древлехранилище, 2004.
- Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М.: ВРС, 2012.
- Пентковский А. М. Лекционарии и четвероевангелия в Византийской и славянской литургических традициях // Евангелие от Иоанна в славянской традиции. СПб.: РБО, 1998. С. 3–54.

- Пиккио Р. Slavia Orthodoxa. Литература и язык. М.: Языки славянской культуры. 2004.*
- Полывянный Д. И. Культурная идентичность, историческое сознание и книжное наследие средневековой Болгарии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.*
- Полывянный Д. И. Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте Византийско-Славянской общности IX–XV веков. Иваново: Ивановский государственный университет, 2000.*
- Реликвии в Византии и Древней Руси. Письменные источники / ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Прогресс–Традиция, 2006.
- Свод древнейших источников по истории славян. М.: Наука, 1995. Т. 2.
- Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А. Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. М.: Языки славянской культуры. 2000.*
- Христианство в странах Центральной, Южной и Восточной Европы. М.: Индрик, 2002.

Протодиакон Владимир Василик